

Репрессивная политика в СССР

Научная статья
УДК 376.744(47+57)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-88-102

Возрождение немецкого национального образования в СССР в 1950-х гг.: планы и реальность

Ирина Васильевна Черказьянова

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация, cherk@inbox.ru, ORSID:
0000-0002-1569-002X

Аннотация. В статье рассматривается проблема послевоенного национального образования советских немцев, попытки восстановления немецкой школы начиная с 1957 г.

Послевоенное расселение немцев на востоке страны определяет географию исследуемой темы: территории Западной Сибири и Алтая, Казахстана и Киргизии.

Запрет национальных школ в 1938 г., депортация в годы Великой Отечественной войны, спецпоселение, продолжавшееся до конца 1955 г., — все это подорвало традицию немецкой школы, значительно снизило уровень грамотности советских немцев к этому времени.

Ограниченность реформы 1957 г. заключалась в попытках восстановить только преподавание немецкого языка, речь не шла о возрождении немецкой национальной школы. Преподавание языка было введено сначала лишь в начальных классах, но вскоре стало понятным, что необходимо преподавание языка в целом в школе. Остро стоял вопрос о педагогических кадрах, учителей хронически не хватало. Положительным моментом стала организация подготовки учителей немецкого языка на базе педучилищ Алтая и Казахстана, а также Омского пединститута. Первые успехи конца 1950-х гг. вскоре сменились стагнацией, а затем и сворачиванием реформы в конце 1960-х гг. Одной из причин незавершенности реформы применительно к немцам стало отступление от традиционной педагогической политики СССР, сложившейся в довоенный период: с 1958 г. родители выбирали язык обучения для своих детей. Пережив депортацию и спецпоселение, родители были озабочены будущим детей, поэтому часто отказывались от немецкого языка обучения. Сокращение национального образования в 1960—1970-х гг. было общей тенденцией в СССР, к началу 1980-х гг. число языков, на которых велось преподавание, сократилось с 46 до 16. Особенностью немецкой школы было отсутствие преподавания на немецком языке, сохранялось лишь изучение немецкого языка.

Ключевые слова: национальное образование, реформа 1957 г., советские немцы, немецкий язык как родной, средняя школа, Сибирь, Казахстан, Киргизия

Для цитирования: Черказьянова И. В. Возрождение немецкого национального образования в СССР в 1950-х гг.: планы и реальность // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 88—102. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-88-102.

Repressive policy in the USSR

Original article

The revival of German national education in the USSR in the 1950s: plans and reality

Irina V. Cherkazyanova

Independent researcher, St. Petersburg, Russian Federation, cherk@inbox.ru, ORSID: 0000-0002-1569-002X

Abstract. The article deals with the problem of post-war national education of Soviet Germans, attempts to restore the German school starting from 1957.

The post-war resettlement of Germans in the east of the country determines the geography of the topic under study: the territories of Western Siberia and Altai, Kazakhstan and Kyrgyzstan.

The prohibition of national schools in 1938, deportation during the Great Patriotic War, the special settlement, which lasted until the end 1955, — all this undermined the tradition of the German school, significantly reduced the level of literacy of Soviet Germans by that time.

Reform limited 1957 consisted in attempts to restore only the teaching of the German language, it was not about the revival of the German national school. Language teaching was first introduced only in the primary grades, but it soon became clear that language teaching in general was needed in schools. The question of teaching staff was acute, there was a chronic shortage of teachers. A positive moment was the organization of the training of teachers of the German language on the basis of pedagogical schools in Altai and Kazakhstan, as well as the Omsk Pedagogical Institute. The first successes of the late 1950s soon gave way to stagnation, and then curtailment of the reform in the late 1960s. One of the reasons for the incompleteness of the reform in relation to the Germans was the retreat from the traditional pedagogical policy of the USSR, which developed in the pre-war period: since 1958, parents chose the language of instruction for their children. Having survived the deportation and special settlement, the parents were concerned about the future of their children, so they often refused the German language of instruction. The decline in national education in the 1960—1970s was a general trend in the USSR, by the early 1980s the number of languages in which teaching was conducted decreased from 46 to 16. A feature of the German school was the absence of teaching in German, only the study of German remained.

Keywords: national education, reform 1957, Soviet Germans, German as a mother tongue, secondary school, Siberia, Kazakhstan, Kyrgyzstan

For citation: Cherkazyanova I. V. The revival of German national education in the USSR in the 1950s: plans and reality. *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):88—102. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-88-102.

Введение

Противоречивое развитие национального образования в СССР в 1920—1930-х гг. закончилось в 1938 г. закрытием школ нетитульных наций. 24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное постановление «О реорганизации национальных школ», в котором отмечалось, что национальные школы «искусственно насаждались», что они превратились в «очаги буржуазно-националистического антисоветского влияния на детей», а педагогический состав засорен врагами, школы наносят огромный вред делу правильного обучения и воспитания. Фактическое закрытие национальных школ прикрывалось пропагандой необходимости изучения русского языка, широко развернувшейся после выхода 13 марта 1938 г. постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». В новой ситуации немецкие школы сохранялись лишь на территории Автономной Советской

Социалистической Республики немцев Поволжья (АССР НП). Немцы Сибири и Алтая, Украины и Кавказа, других республик и территорий были лишены обучения на родном языке. В целом документ нанес большой вред национально-языковому строительству, это стало одним из поворотных пунктов в развитии национального образования в СССР.

Депортация немцев и ликвидация Республики немцев Поволжья в 1941 г. на долгие годы вообще закрыли тему немецкой национальной школы. Ликвидация нетитульных школ была частью ограничений по национальному признаку. Поэтому вопрос о возрождении национальной школы с родным языком, поставленный в стране в 1950-х гг., был не только и не столько вопросом педагогической политики и практики, но и, на наш взгляд, мог быть использован как дополнительный механизм реабилитации репрессированных народов.

В середине 1950-х гг. был принят ряд указов по снятию ограничений с различных групп спецпоселенцев и этнических контингентов, по возвращению им гражданских прав и свобод. Важнейшим документом этого периода для немцев стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». После этого снятия ограничений дождались и другие народы, возродились и их национально-территориальные образования. Немцы же остались в местах выселения без права возвращения в родные места. Дисперсность проживания немцев особенно остро ставила вопрос социализации их детей, сохранения родного языка и культурных традиций. Поэтому процесс возрождения школы с родным языком для «наказанных народов», которым была возвращена территориальная автономия, и для немцев, для которых вопрос восстановления Республики немцев Поволжья так и не был решен, развивался по-разному.

О национальной школе постсталинского периода есть немало публикаций, но тема немецкой школы требует более обстоятельного изучения [1—3]. Мы ставим задачу попытаться реконструировать процесс возрождения национальной школы и определить степень реализации намечавшихся планов.

Состояние вопроса после окончания войны

Депортация советских немцев на восток радикально изменила географию их проживания. Сибирь, Казахстан, Киргизия приняли наибольшее число депортированных. При сравнении показателей двух переписей населения (1939 и 1959 гг.) эти изменения особенно ярко проявляются. Немецкое население Украины за это время почти исчезло (уменьшилось с 392 458 до 23 243 человек), в РСФСР — заметно сократилось (с 862 504 до 820 016 человек), зато в Казахстане увеличилось в несколько раз (с 92 571 до 659 751 человека) [4]. Важно отметить, что во многих регионах до войны немцы вообще не проживали, поэтому можно говорить о восстановлении немецкой школы главным образом в Омской области и на Алтае, где они пребывали до войны. На прочих территориях немецкую школу нужно было создавать впервые при отсутствии педагогических кадров и опыта работы с немцами. Проблему усложняли последствия войны и депортации, так как во время войны немцы практически были лишены самой возможности получения какого-либо образования, что было обусловлено не только материальными причинами, но и тем социальным статусом, который несправедливо был им присвоен.

К 1 октября 1945 г. на спецпоселении в стране находилось 328 084 немецких ребенка до 16 лет [5, с. 109], что составляло 47 % от общего количества немцев-спецпоселенцев. Отсутствие вообще любой школы в местах проживания, незнание детьми русского языка усугубляли ситуацию. Бытовые условия — сиротство и беспризорность, развившиеся после мобилиза-

ции родителей в трудармию, нехватка одежды и обуви, необходимость заниматься домашней работой и присматривать за младшими детьми — порой становились серьезной причиной не ходить в школу. Пример Омской области красноречиво отражает ситуацию того периода. По сведениям УНКВД Омской области за 1943 г., в Большереченском районе из 565 детей-немцев в школу ходил только 31 ребенок, в Юргинском районе — не более 8—10 детей [6, с. 40].

Организация школьного обучения для депортированных народов началась после выхода 20 июня 1944 г. постановления СНК СССР «Об обучении детей спецпоселенцев на русском языке». Согласно документу обучение в школе велось исключительно на русском языке, а для учащихся, не владеющих русским языком, привлекали учителей из числа спецпоселенцев. В документе нет упоминания о немцах и калмыках, но позже мы видим появление классов для немцев, не владеющих русским языком, с привлечением педагогов из среды самих спецпоселенцев.

С 1944 г. повсеместно подростки из семей спецпереселенцев призывались в школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ремесленные училища, но лишь на территории их расселения. При этом если дети бывших кулаков снимались с учета спецпоселения при направлении на учебу, а по окончании могли работать в любом регионе страны, то на немцев это правило не распространялось. Дети немцев, финнов, калмыков, крымских татар при направлении на учебу передавались на учет в городские или районные отделения НКВД по месту нахождения учебного заведения, а по окончании могли работать только в местах их постоянного расселения.

В Казахстане проблему обучения детей спецпоселенцев начали решать в 1945—1946 гг. В постановлении СНК и ЦК КП(б) Казахской ССР от 26 апреля 1945 г. был поднят вопрос об охвате учебой детей спецпоселенцев, отмечались крупные недостатки [7, с. 70]. Однако правительственное решение фактически не повлияло на положение дел: дети по-прежнему не могли ходить в школу по разным причинам. На 1 января 1949 г. в Восточно-Казахстанской области было учтено 7 419 детей-немцев школьного возраста, но школу посещал 4 331 ребенок (58 %), остальные были заняты на работах [7, с. 71]. По данным на 15 сентября 1950 г., в республике школу не посещали 9,5 % детей-немцев. По сравнению с военным периодом это был значительный сдвиг в положительную сторону [8, с. 84—97]. Увеличение числа учеников шло за счет открытия русских классов в казахских школах. Поскольку во многих районах республики действовали только казахские школы, а отсутствие русских школ было серьезным препятствием не только для немцев, но для всех национальностей, выселенных в Казахстан, то открытие хотя бы русских классов было компромиссным решением. Небольшая численность немцев в некоторых поселках также создавала трудности для обучения их детей — сложно было открыть даже класс. В итоге обучение основной части немецких детей в Казахстане шло на русском языке, некоторой части — на казахском, обучения на родном языке не было вообще.

Таким образом, к началу 1950-х гг. образование немцев утратило национальную основу, школу лишили родного языка, более того, в этот период дети были практически лишены возможности вообще посещать школу. Учитель Виктор Клейн из Славгородского района с болью говорил о молодежи, которая не смогла учиться в годы войны, поэтому не знала русского языка и была безграмотной по-немецки. Для этой категории важно было организовать хотя бы вечернюю школу [9]. В первые послевоенные годы задачи культурного развития и образования не были первоочередными. На первый план выдвигались проблемы хозяйственно-бытового устройства населения. Поэтому проблема школьного обучения немецких детей решалась лишь количественно: росло число учащихся, обучение велось на рус-

ском языке, о возрождении собственных школ и обучении на родном языке не было и речи.

Вопрос школьного образования немецких детей после отмены режима спецпоселения

После снятия ограничений режима спецпоселения культурному развитию немецкого населения повсеместно начали уделять больше внимания. Вопрос введения в школьные программы немецкого языка как родного был следствием общего усиления политической и культурно-просветительской работы с немецким населением во второй половине 1950-х гг. Попытки введения родного языка в школьные программы предпринимались отдельно в каждой республике, где проживали немцы.

В 1956 г. одновременно в Киргизии (15 октября) и Казахстане (18 октября) появились секретные постановления центральных комитетов компартий республик об усилении массово-политической и культурно-просветительской работы среди советских граждан немецкой национальности. В Казахстане, как подчеркивалось в постановлении, необходимо было усилить изучение русского языка, улучшить преподавание родного языка начиная с начальной школы [10, с. 223]. Среди недостатков, отмечаемых в Киргизии, выделялась проблема образования немцев: свыше четырех тысяч граждан (17 %) были малограмотными и неграмотными, а обучение их грамоте не было организовано. ЦК Компартии Киргизии обязал министерство образования разработать меры по ликвидации неграмотности и малограмотности среди немцев республики, а также внести на рассмотрение Совета Министров Киргизской ССР вопрос о необходимости введения в школах, где обучаются дети немецкой национальности, преподавания немецкого языка и литературы [11, с. 194—197].

В 1955 г. партийные органы Казахстана, ссылаясь на пожелания родителей, предложили ввести в 1—4-х классах преподавание немецкого языка как родного в виде самостоятельной дисциплины. Речь шла лишь о предмете немецкого языка, а не о немецком языке преподавания. Для принятия подобного решения власти обратились к мнению родителей учеников. Судя по документам, зачастую взрослые сами были против обучения детей на немецком языке, но не возражали против введения в программу немецкого языка как предмета. Например, подобную позицию выражали немцы Павлодарской области в сентябре 1955 г. [10, с. 202—203] Но можно ли считать свободным волеизъявление людей, которые только что пережили депортацию, трудовую армию и все еще стояли на спецучете? Неуверенность в том, что репрессии по национальному признаку закончатся, страх за судьбу детей — все это заставляло взрослых отказываться от традиции обучения на родном языке. Главным для них было, чтобы их дети адаптировались к новым условиям в дальнейшей жизни, чтобы могли продолжить образование после школы, а это мог дать только русский язык. Очевидно и то, что подобные решения принимались на собраниях после соответствующей обработки родителей со стороны партийных органов.

1957 г. стал значимым в истории послевоенного образования советских немцев: были предприняты первые шаги по возрождению немецкого образования — вводилось обучение детей немецкому языку как родному в школах России, Казахстана и Киргизии.

Эти мероприятия совпали с очередной школьной реформой в стране, которая проводилась в духе решений XX съезда КПСС, — был взят курс на политехнизацию школы. 24 декабря 1958 г. Верховный Совет СССР принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране», который установил всеобщее обязательное восьмилетнее образование, были приняты три формы обучения: очная, вечерняя и заочная. В преамбуле говорилось: «В результате после-

довательного осуществления ленинской национальной политики все народы в Советской стране имеют школу на родном языке» [12, с. 53]. Такое заявление свидетельствовало, что формально вопрос введения родного языка в школы у немцев считался решенным. Но как развивались события на практике, еще предстоит рассмотреть.

Практика применения законодательства о введении преподавания немецкого языка как родного

В РСФСР в соответствии с приказом Министерства просвещения РСФСР преподавание немецкого языка как родного вводилось в школах с 1 сентября 1957 г. Обучение планировалось вести по расширенной программе и открыть классы двух типов: 1) обучение начать с 1-го класса, вести преподавание немецкого языка и литературы на немецком языке по 13 часов в неделю; 2) обучение немецкому языку по особой программе начать со 2-го класса, обучение вести на русском языке. Министерство обязало директоров педагогических институтов принимать студентов-немцев, чтобы они по окончании учебы могли преподавать немецкий как родной язык.

На территории России центрами возрождения немецких школ стали Омская область и Алтайский край — территории, где исторически немцы проживали компактными группами. Именно здесь наиболее активно взялись за дело. В Омске планировалось начать обучение уже с осени 1957 г. в 38 школах [13, с. 3]. В некоторых районах Алтая: Славгородском (Подсосновое, Шумановка, Кусак, Редкая Дубрава), Хабаровском (Орлово, Протасово, Дегтярка, Полевое), Табунском, Благовещенском, Кулундинском, Рубцовском, Локтевском, Бурлинском — также началась активная организация обучения языку. К 1959 г. в Алтайском крае работали уже 60 школ, 2 500 учеников изучали немецкий язык как родной [14, с. 117]. В начале 1960-х гг. уже насчитывались 72 подобные школы. Но не все было гладко — введение языка в школах растянулось, что объяснялось разными причинами. Так, в Купино (Новосибирская область) обучение началось лишь 15 сентября 1958 г., язык учили четыре часа в неделю, занятия посещали 31 немецкий ученик и, по желанию родителей, восемь русских детей.

Уже первые шаги по реализации реформы выявили ее несовершенство и ограниченность предлагаемых мер. Поэтому на страницах газеты *Neues Leben* («Нойес Лебен»), первый номер которой вышел в Москве 1 мая 1957 г., развернулась дискуссия о путях улучшения преподавания немецкого языка как родного. Становилось очевидным, что обучение надо вводить уже с 1-го класса, не ограничиваться двумя-четырьмя годами, а продолжать практику преподавания и в старших классах. Звучали предложения о продлении общего курса обучения с 10 до 11 лет, чтобы в полной мере усвоить знание двух языков.

Официально использование в школах Казахстана немецкого языка как родного было узаконено постановлением Совета Министров Казахской ССР от 2 февраля 1957 г. «О введении преподавания родного языка для детей немецкой национальности в школах Казахской ССР» [10, с. 224—225]. Преподавание вводилось в обязательном порядке со второго полугодия 1957/58 учебного года в местах компактного поселения немцев. Язык преподавался во 2—4-х классах в начальных, семилетних и средних школах в объеме двух часов в неделю сверх учебного плана. Число учащихся в каждой группе по изучению немецкого языка должно было быть не менее 10 человек. По сути, подобная практика изучения языка — уроки после основного цикла уроков с минимальным числом часов — скорее напоминает факультативные занятия, чем обязательные уроки.

Чтобы обеспечить школы республики преподавателями, все учителя-немцы, даже если они работали не по специальности, были взяты на персональный учет. Вначале в республике действовало 975 групп по изучению

немецкого языка, а в 1958/59 г. их было уже 1 099, в них обучалось 17 508 человек [10, с. 231]. Школы приступали к работе без определенной программы, при большом дефиците учебников. Отсутствие программы и учебников затягивало начало занятий. Так, например, в Акмолинской области занятия начались в январе 1958 г. с детьми 2—4-х классов, а с 1 сентября 1958 г. планировалось изучение немецкого уже с 1-го класса. Из учеников разных классов формировали специальные группы, к осени 1958 г. в 82 группах занимались более 1 300 детей.

В Киргизии в соответствии с постановлением Министерства просвещения республики обучение языку вводилось, как и в России, с 1 сентября 1957 г., но только в порядке эксперимента и по желанию родителей учащихся. Обучение начиналось со 2-го класса. В первый год к обучению приступили в десяти школах [15, с. 10].

Уже в 1959/60 учебном году финансирование эксперимента в Киргизии прекратилось. Республиканское руководство забило тревогу лишь после того, как было прекращено обучение родному языку во 2—6-х классах Ленинпольской средней школы Таласского района. Минфин республики ссылался на отсутствие соответствующего постановления Совмина республики, которое бы обязывало министерство просвещения ввести преподавание немецкого языка для детей немцев. Министерство просвещения рассмотрело вопрос 8 января 1960 г.: действия районного отдела просвещения были осуждены, и коллегия министерства постановила ввести обучение родному языку для немецких детей со 2-го по 8-й класс [11, с. 225].

По ходатайству Министерства просвещения Киргизии 5 февраля 1960 г. было принято постановление Совета Министров «О введении обучения родному языку детей немецкой и дунганской национальности». Для немцев предусматривалось обучение родному языку во 2—8-х классах, для дунган — в 5—8-х классах, требовалось проводить занятия при наличии группы желающих не менее 10 человек [11, с. 227]. На уроки родного языка отводилось три часа в неделю. С начала 1960/61 учебного года в трех школах Таласского района расширенный вариант преподавания был введен в 7-м классе. В 1964 г. в некоторых школах даже вводился родной язык и в 9—10-х классах. Неожиданный сбой произошел для тех детей республики, которые в 1960 г. должны были пойти в пятый класс. Руководство сверху ввело изучение немецкого языка как иностранного для всех пятиклассников без исключения, поэтому именно этой группе детей пришлось в течение учебного года осваивать программу по языку как родному [16].

В вузах Киргизии в тот период обучалось 419 немцев, в техникумах — 439 [17, с. 301]. В 1965/66 учебном году обучение родному немецкому языку проводилось в 39 школах, с осени 1966 г. планировалось открыть обучение еще в четырех школах. Был утвержден учебный план, согласно которому на изучение языка во 2—4-х классах отводилось три часа, 5—8-х классах — пять часов, 9—10-х классах — по два часа в неделю [11, с. 245].

Трудности первых месяцев и даже лет были связаны со слабой оснащенностью школ учебными материалами. Школы приступали к работе без определенной программы, при большом дефиците учебников. В Казахстане первые 10 экземпляров программы были получены из Министерства просвещения РСФСР лишь в сентябре 1958 г., они были размножены и разосланы всем областным отделам образования. Программа была далека от совершенства, поэтому учителя руководствовались в основном учебниками. Планировалось, что повсеместно в 1957/58 учебном году все начальные классы будут заниматься по букварю, разработанному Г. Классеном, а со следующего года школы получают «Книги для чтения» Е. Е. Соловьевой для 2, 3 и 4-го классов и учебник русского языка А. А. Гердта для немецких детей 1-го класса (Herdt A. A. «Mein erstes russisches Buch»). Однако обещанные Учпедгизом книги, в первую очередь буквари, начали поступать,

например, в Сибирь только с середины сентября 1957 г. В школы Славгородского района (Алтай) учебные программы попали только в конце октября, а в некоторых школах Табунского района не было ни программы, ни учебников еще в феврале 1958 г. В 1957 г. 36 немецких школ Омской области также вовремя не получили учебники.

Положение в школах усугублялось тем, что в местах компактного проживания немцев дети не владели русским языком и говорили на диалектах. Это было характерно для Алтая (например, села Каратал, Подсосново), для Киргизии (Таласский район), особенно в меннонитских поселениях. Этих детей предстояло обучить немецкому литературному языку, а обучение начиналось только со 2-го класса. Там где в начальных классах работали русские учителя, не владеющие немецким языком, положение оказывалось особенно драматичным. Учитель из Ленинополя (Киргизия) Г. Реймер вспоминал, как он обходился в первые недели без учебников в классах, где были дети, говорящие на диалекте. Сначала они разучивали песни, вторую неделю развивали устную речь и лишь с третьей недели приступили к письму [16].

Сложности первых лет внедрения обучения на родном немецком языке объясняются не только организационными недоработками и бюрократическими проволочками, отсутствием программ и учебников. В России, Казахстане и Киргизии — везде преподавание немецкого языка как родного вводилось по желанию родителей. Это нововведение радикально отличалось от предыдущей школьной политики. В середине 1920-х гг. практика выбора языка обучения путем опроса населения категорически отвергалась Наркомпросом, поскольку это противоречило основным принципам педагогики. В то же время было очевидно, что выбор таким путем носит случайный характер и зависит от условий (агитация той или иной стороны), в которых проходил опрос [18, с. 109]. Право родителей выбирать язык обучения для своих детей, существовавшее на практике с конца 1958 г., в России было законодательно закреплено в Законе Российской Федерации от 25 октября 1991 г. «О языках народов Российской Федерации». Как отмечает В. М. Алпатов, сложилась парадоксальная ситуация, характерная для многих народов в СССР: национальные школы в большей степени поддерживались сверху, часто просто по инерции, в то время как снизу шло стремление к обучению на русском языке [19, с. 107].

В некоторых областях и районах руководители вообще не вели разъяснительную работу среди немецкого населения, поскольку считали, что численность проживающих немцев недостаточна для изучения языка по расширенной программе. В других случаях людям предлагали только полный переход на немецкий язык. В итоге население вообще отказывалось от немецкого языка, не подозревая, что имеется урезанный вид программы обучения. Подобная ситуация выявилась, например, в Томской области в 1958 г. во время августовского совещания руководителей в Министерстве образования РСФСР. Заведующий Томским облоно М. Нестеров утверждал, что немецких детей мало, а родители не желают обучать их на немецком языке. В то же время письма родителей из Кожевниковского района свидетельствовали о прямо противоположном [20]. На Алтае некоторые родители в Подсосново выступали за исключительно русскоязычное преподавание. В Серебрянополе Табунского района требовали немецкий язык не только для детей, но и для подростков, а отдельные родители выступали вообще за немецкую школу. Немцы Павлодарской области на собраниях в сентябре 1955 г. выступали против обучения детей на немецком языке, но не возражали против введения в программу немецкого языка как предмета.

В поисках причин нежелания немцев учить детей на немецком языке необходимо учитывать фактор ассимиляции немцев и утраты ими родного

языка за период с конца 1930-х гг., после закрытия немецких школ и начала депортации. По итогам переписи 1959 г. 75 % немцев назвали немецкий язык родным [21, с. 10]. Объяснима тревога родителей за дальнейшую судьбу детей, которым предстояло выбирать в будущем профессию. Полный перевод школьного обучения на немецкий язык при отсутствии возможности продолжить обучение на родном языке был серьезным мотивом отказаться от исключительно немецкоязычного преподавания. Однако начавшаяся реформа образования была построена именно на принципе, позволявшем родителям определять язык обучения для своих детей.

Проблема педагогических кадров

Нехватка педагогических кадров для немецких школ ощущалась на протяжении всего довоенного периода. Она вновь обострилась в связи с тем, что за прошедшие почти два десятилетия старшее поколение учителей либо ушло из жизни, либо снизило квалификацию. К старым учителям власти по-прежнему относились с недоверием по политическим соображениям. Специальным приказом Министерства просвещения Казахской ССР учителя-спецпоселенцы привлекались к работе в начальных классах, а также для обучения точным наукам, но преподавание гуманитарных наук им не доверялось.

С введением в школах немецкого языка как родного остро встал вопрос подготовки учителей. Из-за отсутствия кадров тормозился процесс введения преподавания родного языка в 13 школах Табунского района Алтая, где в феврале 1958 г. еще не приступали к реформе [22]. В Оренбургской области недостаток учителей также привел к тому, что часть школ не смогла начать обучение в 1957 г., поэтому летом 1958 г. были организованы курсы для учителей [23]. С конца 1950-х гг. будущих педагогов обучали на факультетах иностранных языков в пединститутах Барнаула, Кокчетавы, Омска, Оренбурга, на заочном отделении Алма-Атинского института иностранных языков, а также в ряде педучилищ Казахстана и Западной Сибири. Наиболее успешно велась работа в Славгородском педучилище. В 1957/58 учебном году при факультете иностранных языков в Омске проводились вечерние курсы, это позволило всем немецким учителям города получить высшее образование. В то же время в Омской области насчитывалось около 400 немецких учителей, не имеющих вузовского диплома. Для них предполагалось организовать заочное обучение в Омском пединституте. Часть учителей повышала квалификацию на двухнедельных курсах при Институте усовершенствования учителей, где большинство предметов преподавалось на немецком [24]. В Алтайском крае к 1960 г. число немецких учителей с высшим образованием увеличилось с 13 до 37 %. Но по-прежнему педагогов не хватало, поэтому на Алтае, по свидетельству корреспондента газеты *Neues Leben* Л. В. Малиновского, в это время даже в селах с преобладающим немецким населением дети учили английский язык [25]. С начала 1960/61 учебного года преподавание немецкого языка по расширенной программе стало вводиться с 5-го класса, предполагалось в следующие годы довести до 8-го класса. В Казахстане для работы этой программы в 1960 г. было подготовлено 20 выпускников Алма-Атинского пединститута, кроме того, планировались летние курсы для учителей [26].

В целом возможности получения немцами высшего образования в послевоенный период были сильно ограничены. Учебные заведения, расположенные в столичных городах, связанные с некоторыми секретными производствами, университеты вообще были недоступны представителям репрессированного народа. Секретным постановлением ЦК Компартии Казахстана от 28 мая 1952 г. немцам был закрыт доступ в Казахский университет им. Кирова, Алма-Атинский юридический, физкультурный и педагогический институты, Казахский горно-металлургический институт, а также

в консерваторию. В ограниченном количестве они допускались в Казахский сельскохозяйственный, Алма-Атинский и Семипалатинский ветеринарно-зоотехнические институты, Алма-Атинский и Карагандинский медицинские институты, Чимкентский технологический и в учительские институты. При отборе кандидатов предпочтение отдавалось коммунистам и комсомольцам. Сельское хозяйство, легкая и пищевая промышленность, медицина, школьное образование — вот те области, где могли работать немцы с высшим образованием. Школьная реформа расширила доступ немцев в педагогические институты.

Сворачивание обучения в 1960—1970-х гг.

Мероприятия 1950 — начала 1960-х гг по возрождению немецкого национального образования носили ограниченный характер и касались только преподавания немецкого языка как родного. Были открыты классы для изучения родного языка, но все обучение по-прежнему велось лишь на государственном языке. В Киргизии изучение немецкого языка велось в большем объеме, чем в других республиках. Однако вскоре на местах даже эти мероприятия стали сворачиваться.

Анализ ситуации первой половины 1960-х гг. говорит о неблагополучии в преподавании немецкого языка как родного. В феврале 1962 г. в Новосибирске прошло всесоюзное совещание, посвященное этой проблеме. Обсуждались результаты работы Оренбургской области и Киргизии. Руководитель Главного управления школами Киргизии М. Балтабаев отмечал, что из 58 школ, где учатся немцы, язык изучается только в 28. По-прежнему острой была проблема обеспечения школ учителями [27]. Вслед за совещанием в Сибири прошло совещание в Алтайском крае, местом для него выбрали Славгородское педучилище. Руководитель крайоно Б. Исаков отмечал тревожную тенденцию к сокращению в некоторых районах преподавания языка по расширенной программе. Критика звучала в адрес школ Благовещенского, Табунского и Рубцовского районов, где не было расширенной программы в старших классах [28]. Крупные недостатки наблюдались в районах Новосибирской области, где прежде всего не хватало учителей. В Купине в школе № 2 занятия стали проходить нерегулярно из-за перегруженности учителя. В Орловке Купинского района не было специального учителя, поэтому невозможно было перейти на расширенное изучение языка в 5-м классе. В Андреевском районе из четырех школ, где должно было вестись преподавание, оно было введено лишь в Ивановке. В других школах не было учителей. В селах Хорошее и Октябрьское Карасукского района немецкий язык был введен в 1957 г., в 1960 г., преподавание прекратилось из-за «перегруженности школ». В этом районе должно было работать пять школ для немцев, но в действительности было только две [29]. Совсем слабо дело было поставлено в Кемеровской области. Согласно официальной точке зрения учащиеся Крапивинского района прекратили посещение занятий в 1962 г. из-за большой учебной нагрузки. В Белове от изучения языка отказались родители. Как потом выяснилось, в самом начале реформы они отказались от полного перехода на немецкий язык преподавания, но о том, что можно изучать язык по расширенной программе, они не знали. В Юрге сами учителя недоумевали, почему до сих пор у них не вводится расширенная программа. В Прокопьевске работала лишь одна школа [30].

К концу 1960-х гг. в школах произошло еще большее сокращение групп по изучению немецкого как родного языка, а учителей стали все чаще использовать как преподавателей немецкого иностранного языка. Сама практика введения или отмены родного языка в школе стала зависеть от местных руководителей или даже руководства школ. Так, в Целиноградской области только в 1966 г. было сокращено 100 групп родного языка. В 1976 г. в Киргизии лишь в 25 школах немецкий язык изучался как

родной. К началу 1990-х гг. на Алтае из 72 ранее действовавших школ осталась 21. По инициативе местных властей в некоторых районах Алтая (Благовещенский, Бурлинский, Славгородский и др.) в течение 1970-х гг. несколько раз вводилось и отменялось преподавание немецкого языка как родного. Волонтаризм руководства дополнялся некачественными учебными программами и планами «немецких» школ, отсутствием методической литературы и пособий, что в итоге влияло на судьбу самих школ. До 1986 г. родной язык вводился только со 2-го класса, выделяемых на изучение языка часов было явно недостаточно.

В застойный период кризисные явления в образовании продолжали активно накапливаться. В начале 1970-х гг. были предприняты новые попытки политически решить проблемы советских немцев. 26 октября 1972 г. ЦК КПСС было принято постановление «Об отдельных категориях граждан, переселенных в прошлом из мест их проживания в другие районы СССР», а 26 июня 1974 г. — постановление «О мерах по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности». В документах отмечались крупные недостатки в работе по культурному, интернациональному и патриотическому воспитанию немецкого населения, серьезное отставание уровня общеобразовательной подготовки немцев.

В свете этих постановлений в Киргизии были проведены мероприятия по повышению уровня образования немцев, в том числе изучения родного языка школьниками. Планировалось в течение 1974 г. провести министерскую проверку состояния преподавания немецкого языка как родного в школах, где обучались дети немецкой национальности, организовать республиканские и зональные семинары учителей немецкого языка, а также принять другие меры. По данным переписи 1970 г., в Киргизии проживало 89 834 немца (3,1 % населения республики). В 1970/71 учебном году в вузах республики обучалось 857 немцев, это означало, что на каждую тысячу жителей немецкой национальности приходилось 9,5 студента. Это был самый низкий показатель в республике при среднем показателе 16,5. У русских он составлял 19,7, у киргизов — 17,9, казахов — 31,6, у татар — 18,7, дунган — 13,8 [31, с. 180]. Поэтому предлагалось разработать и внедрить дополнительные меры по приему немецкой молодежи в вузы, техникумы и училища. Через два года в вузах и техникумах Киргизии насчитывалось уже 2 752 юношей и девушек немецкой национальности [11, с. 321].

В конце 1970 — начале 1980-х гг. в связи с нарастанием эмигрантских настроений немцев ЦК Компартии Киргизии принял еще несколько постановлений о работе с немецким населением. В них по-прежнему звучали указы республиканскому министерству образования об увеличении приема в вузы, техникумы и училища молодежи немецкой национальности, о создании условий для детей по изучению немецкого языка как родного [11, с. 526]. Поставленные задачи не отличались новизной. Уже одно то, что они повторялись на протяжении десятилетий, свидетельствует о том, что проблема образования немцев решалась недостаточно активно. Факты свидетельствуют о продолжавшемся сокращении в республике школ с изучением немецкого языка как родного. В 1983 г. их было уже всего 9, в 549 школах немецкий язык изучался как иностранный [11, с. 528]. Таким образом, в Киргизии за 20 лет количество школ с немецким родным языком сократилось с 33 до 9, т. е. на 73 %. Преподавание же предметов на немецком языке отсутствовало даже в тех школах, где подавляющее большинство учащихся были немцами.

В целом ситуация с большинством языков национальных меньшинств резко ухудшилась в 1960—1980-х гг. По данным В. М. Алпатова, в 1956/57 учебном году в РСФСР школьное преподавание велось помимо русского еще на 46 языках, а уже в 1970/71 учебном году их число сократилось до 27, в 1981/82 учебном году — до 16. Среднее образование к началу перестрой-

ки сохранялось, и то в небольшом количестве, лишь на татарском и башкирском языках, а неполное среднее — также на тувинском и якутском [32, с. 120].

Итогом государственной политики по отношению к немцам страны за годы войны и послевоенные десятилетия стало резкое сокращение их уровня грамотности. Если, по данным материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г., немцы занимали по уровню грамотности пятое место в СССР, то в 1989 г. — одно из последних. Среднее и высшее образование имели (на 1 000 человек) 69,7 человека. Для сравнения: тот же показатель составлял у евреев — 268,1, украинцев — 82,1, русских — 81,4. В 1989 г. у немцев отмечен самый низкий процент лиц с высшим образованием и самое большое число людей, имеющих только начальное образование и не имеющих его вообще. Так, в 1989 г. в Новосибирской области на 1 000 человек занятого населения каждой национальности приходилось лиц с высшим образованием: у евреев — 682, украинцев — 238, белорусов — 203, русских — 153, татар — 125, немцев — 83 [33, с. 17]. Как одно из следствий политики застойного периода следует отметить снижение уровня владения немцами родным языком. Например, в Новосибирской области с 1979 по 1989 г. показатель упал с 41,4 до 36,6 %. В Казахстане немецкий родным языком считали в 1959 г. 83,5 % немцев, в 1970 г. — 75,0 %, в 1979 г. — 64,5 %, в 1989 г. — 54,4 % [34, с. 198]. Сфера применения языка все больше сужалась: преимущественно его использовали в бытовых и семейных ситуациях, а школа с немецким языком сохранилась лишь в отдельных сельских районах.

В целом опыт работы Сибири, Казахстана, Киргизии по восстановлению преподавания немецкого языка как родного в 1950—1970-х гг. свидетельствует об активном поиске форм возрождения немецкого национального образования. Проблема любой национальной школы является чрезвычайно сложной, многогранной. Особую сложность она представляла для немецкого населения, получившего психологическую травму в период депортации и послевоенного спецпоселения. Доминирующим событием в исторической памяти народа стала депортация, память о несправедливости порождала неуверенность в будущем своих детей, что заметно отразилось на поведении старшего поколения в период школьной реформы. Отказ руководства страны восстановить АССР НП серьезным образом подрывал веру немцев в целесообразность изучения немецкого языка и уверенность в будущем их детей. В ходе реформирования национального образования наметились определенные сдвиги в лучшую сторону — началось изучение родного языка, активно внедрялась практика изучения немецкого языка как родного в начальной и средней школе, но в целом реформа, изначально носившая половинчатый характер, с конца 1970-х гг. и особенно в период массовой эмиграции немцев в Германию приобрела форму хронического кризиса.

Список источников

1. Черказьянова И. В. Состояние немецкого образования в СССР и на постсоветском пространстве // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956—2000 гг.) : материалы 9-й международной научной конференции. М. : Готика, 2003. С. 247—258.
2. Черказьянова И. В. Попытки возрождения немецкого национального образования в СССР в 1950 — начале 1990-х гг. // Немцы Сибири: история и культура : материалы 4-й международной научно-практической конференции (Омск, 29—31 мая 2002 г.) / отв. ред. Н. А. Томилов, Т. Б. Смирнова. Новосибирск : ИАЭ СО РАН, 2003. С. 73—78.
3. Tscherkazjanowa I. Die Kinder der Russlanddeutschen unter den Verhältnissen von Deportation, Trudarmee und Sondersiedlung // Von der Autonomiegründung zur Verbannung und Entrechtung. Die Jahre 1918 und 1941 bis 1948 in der Geschichte der Deutschen in Russland / Hrsg. A. Eisfeld. Stuttgart, 2008. S. 180—203.

4. Демоскоп Weekly. № 941—942. 19 апр. — 2 мая 2022 г. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0941/index.php> (дата обращения: 20.04.2022).
5. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин». 1940-е годы : сборник документов / сост. Н. Ф. Бугай. М. : Готика, 1998. 352 с.
6. Бруль В. И. Немцы в Западной Сибири [] : монография: в 2 ч. Ч. 2. Топчиха, 1995. 222 с.
7. Бургарт Л. А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941—1956 гг.: депортация и жизнь в условиях режима спецпоселения []. Усть-Каменогорск, 1997. 376 с.
8. Черказянова И. В. Судьбы детей советских немцев в годы Великой Отечественной войны // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. 1941—1955 гг. : материалы 7-й международной научной конференции (Москва, 19—22 окт. 2000 г.). М., 2001. С. 84—97.
9. Klein V. Abendschulen tun not! // Neues Leben. 1958. 11 September.
10. Из истории немцев Казахстана. 1921—1975 гг. : сборник документов / отв. ред. Г. А. Карпыкова. Алматы ; Москва, 1997. 376 с.
11. Из истории немцев Кыргызстана. 1917—1999 гг. : сборник документов и материалов / под общ. ред. А. Айсфельда. Бишкек : Шам, 2000. 779 с.
12. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. 1917—1973 гг. : сб. док. / сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин и др. М. : Педагогика, 1974. 560 с.
13. Martens H. Unterricht in der Muttersprache // Neues Leben. 1957. 13 August.
14. Матис В. И. Проблема национальной школы в поликультурном пространстве []. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1997. 328 с.
15. Baltabaew M. Der muttersprachliche Deutschunterricht in Kirgisien [] // Neues Leben. 1965. 27 Januar.
16. Reimer H. Von der 1. bis zur 7. Klasse // Neues Leben. 1960. 9 Dezember.
17. Кронгардт Г. К. Немцы в Кыргызстане. 1880—1990 гг. Бишкек : Илим, 1997. 415 с.
18. Давыдов И. Д. Национальный язык, его роль и место в просветительной работе среди национальностей нерусского народа // Народное просвещение. 1926. № 8. С. 109.
19. Алпатов В. М. 150 языков и политика, 1917—1997: социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства / Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М. : ИВ, 1997. 190 с.
20. Neues Leben. 1958. 9 August.
21. Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям: по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. М. : Госстатиздат, 1960. 38 с.
22. Neues Leben. 1958. 15 Februar.
23. Martens H. Kurse für Deutschlehrer in Orenburg // Neues Leben. 1958. 9 August.
24. Neues Leben. 1958. 14 August.
25. Neues Leben. 1960. 14 April.
26. Neues Leben. 1960. 11 Mai.
27. Zusammen mit den Eltern // Neues Leben. 1962. 24 Februar.
28. Malinowski L. Nun auch im Altai // Neues Leben. 1962. 14 April.
29. Malinowski L. Im Krebsgang // Neues Leben. 1962. 28 Juni.
30. Malinowski L. Die andere Seite // Neues Leben. 1962. 8 Mai.
31. Hertel O. Zur Bildung und Identität der Deutschen in der UdSSR der letzten 50 Jahre am Beispiel Kirgisien // Heimatbuch. 1990/1991. S. 180.
32. Алпатов В. М. Языковые проблемы постсоветской России // Многоязычие и преподавание родных языков. М. : Ин-т национальных проблем образования, 1998. С. 116—128.
33. Барбашина Э. Р. О проблемах исследования культуры и образования российских немцев // Российские немцы: проблемы культуры и образования : по материалам международного научно-практического семинара. Новосибирск, 1996. С. 7—20
34. Колосов А. В. Немецкий язык в Казахстане // Культура немцев Казахстана: история и современность : материалы международной научно-практической конференции (Алматы, 9—11 окт. 1998 г.). Алматы, 1999. С. 196—200.

References

1. Cherkaz'yanova I.V. Sostoyanie nemetskogo obrazovaniya v SSSR i na postsovetском pro-stranstve [The state of German education in the USSR and the post-Soviet space], *Materialy 9-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Nemetskoe naselenie v poststalinском SSSR, v stranakh SNG i Baltii (1956—2000 gg.)"* [The German population in the post-Stalinist USSR, CIS and Baltic states (1956-2000)]. Moscow, Gotika, 2003, pp. 247—258.
2. Cherkaz'yanova I.V. Popytki vrozozhdeniya nemetskogo natsional'nogo obrazovaniya v SSSR v 1950 — nachale 1990-kh gg. [Cherkazyanova I. V. Attempts to revive German national education in

- the USSR in the 1950s and early 1990s], *Tomilov N.A. (ed.), Smirnova T.B. (ed.) Materialy 4-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Omsk, 29—31 maya 2002 g.) "Nemtsy Sibiri: istoriya i kul'tura"* [The Germans of Siberia: History and Culture]. Novosibirsk, IAE SO RAN, 2003, pp. 73—78.
3. Tscherkazjanowa I. Die Kinder der Russlanddeutschen unter den Verhältnissen von Deportation, Trudarmee und Sondersiedlung [The children of the Russian Germans under the circumstances of deportation, trudarmy and special settlement], *A.Eisfeld (ed.) Von der Autonomiegründung zur Verbannung und Entrechtung. Die Jahre 1918 und 1941 bis 1948 in der Geschichte der Deutschen in Russland [From the founding of autonomy to banishment and disenfranchisement. The years 1918 and 1941—1948 in the history of the Germans in Russia]*. Stuttgart, 2008, pp. 180—203.
4. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], no. 941—942, 19 apr. — 2 maya 2022 g. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0941/index.php> (accessed: 20.04.2022).
5. Bugai N.F. (ed.) "Mobilizovat' nemtsev v rabochie kolonny... I. Stalin". 1940-e gody ["Mobilise the Germans into labour columns... I. Stalin". 1940s], *sbornik dokumentov*. Moscow, Gotika, 1998, 352 p.
6. Brul' V.I. Nemtsy v Zapadnoi Sibiri [Germans in Western Siberia], *monografiya*, v 2 ch., vol. 2, Topchikha, 1995, 222 p.
7. Burgart L.A. Nemtsy v Vostochnom Kazakhstane v 1941—1956 gg.: deportatsiya i zhizn' v usloviyakh režima spetsposeleniya [Germans in East Kazakhstan 1941-1956: Deportation and life under the Special Settlement Regime]. Ust'-Kamenogorsk, 1997, 376 p.
8. Cherkaz'yanova I.V. Sud'by detei sovetskikh nemtsev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The fate of Soviet German children during the Great Patriotic War], *Materialy 7-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 19—22 okt. 2000 g.) "Nemtsy SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i pervoe poslevoennoe desya-tiletie. 1941—1955 gg."* [Germans in the USSR during the Great Patriotic War and the first post-war decade. 1941—1955]. Moscow, 2001, pp. 84—97.
9. Klein V. Abendschulen tun not! [Evening schools are necessary], *Neues Leben [New life]*, 1958, 11 September.
10. Karpykova G.A. (ed.). Iz istorii nemtsev Kazakhstana. 1921—1975 gg. [From the history of the Germans of Kazakhstan. 1921—1975.], *sbornik dokumentov*. Almaty, Moscow, 1997, 376 p.
11. Aisfel'd A. (ed.). Iz istorii nemtsev Kyrgyzstana. 1917—1999 gg. [From the history of the Germans of Kyrgyzstan. 1917—1999], *sbornik dokumentov i materialov*, Bishkek, Sham, 2000, 779 p.
12. Abakumov A.A. (ed.), Kuzin N.P. (ed.) i dr. Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola. 1917—1973 gg. [Public education in the USSR. General education school. 1917-1973], *sbornik dokumentov*. Moscow, Pedagogika, 1974, 560 p.
13. Martens H. Unterricht in der Muttersprache [Teaching in the mother tongue], *Neues Leben [New life]*, 1957, 13 August.
14. Matis V.I. Problema natsional'noi shkoly v polikul'turnom prostranstve [The problem of the national school in a multicultural space]. Barnaul, BGPU Publ., 1997, 328 p.
15. Baltabaev M. Der muttersprachliche Deutschunterricht in Kirgisien [German lessons in the mother tongue in Kyrgyzstan], *Neues Leben [New life]*, 1965, 27 Januar.
16. Reimer H. Von der 1. bis zur 7. Klasse [From Grade 1 to Grade 7], *Neues Leben [New life]*, 1960, 9 Dezember.
17. Krongardt G.K. Nemtsy v Kyrgyzstane. 1880—1990 gg. [Germans in Kyrgyzstan. 1880—1990]. Bishkek, Ilim, 1997, 415 p.
18. Davydov I.D. Natsional'nyi yazyk, ego rol' i mesto v prosvetitel'noi rabote sredi natsional'nostei nerusskogo naroda [The national language, its role and place in educational work among non-Russian nationalities], *Narodnoe prosveshchenie [Public education]*, 1926, no. 8, p. 109.
19. Alpatov V.M. 150 yazykov i politika, 1917—1997: sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva [150 languages and politics, 1917—1997 : sociolinguistic problems in the USSR and post-Soviet space]. Moscow, Institut vostokovedeniya, 1997, 190 p.
20. *Neues Leben [New life]*, 1958, 9 August.
21. Uroven' obrazovaniya, natsional'nyi sostav, vozrastnaya struktura i razmeshchenie nasele-niya SSSR po respublikam, krayam i oblastyam: po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1959 g. [Level of education, national composition, age structure and distribution of the population of the USSR by republics, territories and regions: according to the 1959 All-Union Population census]. Moscow, Gosstatizdat, 1960, 38 p.
22. *Neues Leben [New life]*, 1958, 15 Februar.
23. Martens H. Kurse für Deutschlehrer in Orenburg [Courses for German teachers in Orenburg], *Neues Leben [New life]*, 1958, 9 August.
24. *Neues Leben [New life]*, 1958, 14 August.
25. *Neues Leben [New life]*, 1960, 14 April.
26. *Neues Leben [New life]*, 1960, 11 Mai.

27. Zusammen mit den Eltern [Together with parents], *Neues Leben [New life]*, 1962, 24 Februar.
28. Malinovski L. Nun auch im Altai [Now in the Altai too], *Neues Leben [New life]*, 1962, 14 April.
29. Malinovski L. Im Krebsgang [In the crabwalk], *Neues Leben [New life]*, 1962, 28 Juni.
30. Malinovski L. Die andere Seite [The other side], *Neues Leben [New life]*, 1962, 8 Mai.
31. Hertel O. Zur Bildung und Identität der Deutschen in der UdSSR der letzten 50 Jahre am Beispiel Kirgisien [On the formation and identity of Germans in the USSR in the last 50 years, using Kyrgyzstan as an example], *Heimatsbuch [Local history book]*, 1990/1991, p. 180.
32. Alpatov V.M. Yazykovye problemy postsovetsoi Rossii [Language problems in post-Soviet Russia], *Mnogoyazychie i prepodavanie rodnykh yazykov [Multilingualism and the teaching of native languages.]*. Moscow, Institut natsional'nykh problem obrazovaniya, 1998, pp. 116—128.
33. Barbashina E.R. O problemakh issledovaniya kul'tury i obrazovaniya rossiiskikh nemtsev [On the Problems of Researching the Culture and Education of Russian Germans], *Po materialam mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminar "Rossiiskie nemtsy: problemy kul'tury i obrazovaniya" [Russian Germans: Cultural and Educational Problems]*. Novosibirsk, 1996, pp. 7—20.
34. Kolosov A.V. Nemetskii yazyk v Kazakhstane [German in Kazakhstan], *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Almaty, 9—11 okt. 1998 g.) "Kul'tura nemtsev Kazakhstana: istoriya i sovremennost'" [The culture of the Germans of Kazakhstan: history and modernity]*. Almaty, 1999, pp. 196—200.

Информация об авторе

Черказьянова Ирина Васильевна — доктор исторических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: cherk@inbox.ru

Information about the author

Irina V. Cherkazyanova — Doctor of Historical Sciences, independent researcher, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: cherk@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 28.09.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 15.01.2023.

The article was submitted 28.09.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 15.01.2023.